

В суд (судье) _____

_____

_____

защитника _____,

адрес: _____

тел. _____

в интересах _____

З А Я В Л Е Н И Е

об отсутствии законных оснований для удовлетворения ходатайства следователя
о продлении срока содержания под стражей, предназначенные для приобщения к
судебному материалу
относительно решения вопроса о продлении меры пресечения в виде заключения
под стражу

1. Вопросы права.

«Применение меры пресечения в виде заключения под стражу может иметь место лишь при наличии отвечающих указанным в статье 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации целям и в пределах разумных контролируемых судом сроков, что обуславливает необходимость исследования судом при решении вопросов, связанных с содержанием обвиняемого под стражей, фактических и правовых оснований для избрания или продления данной меры пресечения при обеспечении лицу возможности довести до суда свою позицию, с тем чтобы вопрос о его содержании под стражей не мог решаться произвольно или исходя из каких-либо формальных условий, а суд основывался на самостоятельной оценке существенных для таких решений обстоятельств (Постановления от 13 июня 1996 года № 14-П по делу о проверке конституционности части пятой статьи 97 УПК РСФСР, от 22 марта 2005 года № 4-П по делу о проверке конституционности ряда положений УПК Российской Федерации, регламентирующих порядок и сроки применения в качестве меры пресечения заключения под стражу на стадиях уголовного судопроизводства, следующих за окончанием предварительного расследования и направлением уголовного дела в суд; определения от 25 декабря 1998 года № 167-О по делу о проверке конституционности частей четвертой, пятой и шестой статьи 97 УПК РСФСР; от 23 июня 2000 года № 170-О по жалобе гражданина А. Н. Дробалова на нарушение его конституционных прав частью седьмой статьи 97 и статьей 377 УПК РСФСР и статьей 86 УК Российской Федерации; от 6 июня 2003 года № 184-О по жалобе гражданина А. В. Евстафьева на нарушение его конституционных прав пунктом 1 части восьмой статьи 109 УПК Российской Федерации; от 30 сентября 2004 года № 300-О по жалобе гражданина Х. Ш. Абубакирова на нарушение его конституционных прав частями второй и третьей статьи 255 УПК Российской Федерации).»

«При этом как недопустимое нарушение права на судебную защиту должно расцениваться ограничение участников уголовного судопроизводства, в том числе обвиняемых, в возможности представлять суду доказательства в обоснование своей позиции, а также высказывать свое мнение относительно позиции, занимаемой противоположной стороной, и приводимых ею доводов (Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 13 ноября 1995 года по делу о проверке конституционности части пятой статьи 209 УПК РСФСР, от 29 апреля 1998 года по делу о проверке конституционности части четвертой

статьи 113 УПК РСФСР, от 23 марта 1999 года по делу о проверке конституционности положений статьи 133, части первой статьи 218 и статьи 220 УПК РСФСР, от 14 февраля 2000 года по делу о проверке конституционности положений частей третьей, четвертой и пятой статьи 377 УПК РСФСР и от 18 февраля 2000 года по делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 5 Федерального закона "О прокуратуре Российской Федерации"; Определения от 21 декабря 2000 года по жалобе гражданина Р.П. Панфилова и от 18 декабря 2003 года по жалобам граждан Б. А. Березовского, Ю. А. Дубова и А.Ш. Патаркацишвили, а также гражданина А. Р. Резе).»

Постановление Пленума ВС РФ № 5 от 10.10.2003 г.

«Российская Федерация как участник Конвенции о защите прав человека и основных свобод признает юрисдикцию Европейского Суда по правам человека обязательной по вопросам толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней в случае предполагаемого нарушения Российской Федерацией положений этих договорных актов, когда предполагаемое нарушение имело место после вступления их в силу в отношении Российской Федерации (статья 1 Федерального закона от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней»). Поэтому применение судами вышеназванной Конвенции должно осуществляться с учетом практики Европейского Суда по правам человека во избежание любого нарушения Конвенции о защите прав человека и основных свобод.»

Позиция Европейского Суда (ЕСПЧ), касающаяся некоторых из затрагиваемых в настоящем документе аспектов, может быть выражена следующим образом.

«...Европейский суд неоднократно толковали пункт 4 статьи 5 Конвенции как предоставляющий заключенному определенные процессуальные гарантии, в целом аналогичные гарантиям, предоставляемым пунктом 1 статьи 6 Конвенции (см., например, приведенное выше Постановление Европейского суда по делу "Винтерверп против Нидерландов" (*Winterwerp v. Netherlands*), р. 24, § 60; Постановление Европейского суда по делу "Санчес-Райсе против Швейцарии" (*Sanchez-Reisse v. Switzerland*) от 21 октября 1986 г., Series A, № 107, Постановление Европейского суда по делу "Кампанис против Греции" (*Kampanis v. Greece*) от 13 июля 1995 г., Series A, № 318-B, и Постановление Европейского суда по делу "Илийков против Болгарии" (*Ilijkov v. Bulgaria*) от 26 июля 2001 г., жалоба № 33977/96, § 103). Так, в приведенном выше деле "Николов против Болгарии" (*Nikolov v. Bulgaria*) Европейский суд указал следующее:

"Процедура, проводимая в рамках пункта 4 статьи 5 Конвенции, должна в принципе отвечать — насколько это возможно в обстоятельствах проводимого расследования — основным требованиям справедливого судебного разбирательства".

72. По мнению Европейского суда, неважно, рассматривает ли суд ходатайство об освобождении из-под стражи, поданное стороной защиты, или ходатайство о содержании лица под стражей, поданное стороной обвинения. Такой подход уже применялся в ряде дел. Например, в деле "Граужинис против Литвы" (*Grauhinis v. Lithuania*) (Постановление Европейского суда от 10 октября 2000 г., жалоба № 37975/97, § 33) Европейский суд решил, что продление районным судом по ходатайству прокурора срока содержания заявителя под стражей в рамках избранной меры пресечения также влекло гарантии, закрепленные пунктом 4 статьи 5 Конвенции (см. также Решение Европейского суда по делу "Телецкий против Польши" (*Telecki v Poland*) от 3 июля 2003 г., жалоба № 56552/00).» /Лебедев против России/

«70. Европейский суд согласился, что изначально заключение заявителя под стражу могло быть оправданным разумным подозрением ее в причастности к совершению тяжких преступлений. Однако по истечении определенного времени одного разумного подозрения уже не достаточно. Соответственно, Европейский суд должен был установить, продолжали ли другие основания, приведенные судебными органами, оправдывать лишение свободы (см. Постановление Большой палаты по делу "Лабита против Италии" (Labita v. Italy), жалоба № 26772/95, § 152 и 153, ECHR 2000-IV).» /Корчуганова против России/

«75. Согласно практике Европейского суда лицо, которому было предъявлено обвинение в совершении преступления, всегда должно освобождаться до суда, если только органы государственной власти не представят "соответствующих и относящихся к делу" причин, обосновывающих продление срока содержания под стражей (см., например, Постановление Европейского суда по делу "Ягчи и Саргын против Турции" (Yagci and Sargin v. Turkey) от 8 июня 1995 г., Series A, № 319-A, § 52). Отказ в освобождении из-под стражи под залог должен быть оправдан риском того, что обвиняемый не явится в суд или вмешается в ход правосудия, или может продолжить преступную деятельность. Тяжесть возможного наказания, хотя и имеет значение, не является отдельным основанием и не может сама по себе оправдывать отказ в освобождении из-под стражи под залог (см. приведенное выше Постановление Европейского суда по делу "Ягчи и Саргын против Турции" (Yagci and Sargin v. Turkey), § 52).

76. Доводы за и против освобождения лица из-под стражи не могут быть "общими и абстрактными" (см. Постановление Европейского суда по делу "Клоот против Бельгии" (Clooth v. Belgium) от 12 декабря 1991 г., Series A, N 225, § 44). Если закон закрепляет презумпцию в отношении факторов, касающихся оснований продления срока содержания лица под стражей, необходимо убедительно продемонстрировать наличие конкретных фактов, перевешивающих правило об уважении свободы личности (см. Постановление Европейского суда по делу "Илийков против Болгарии" (Ilijkov v. Bulgaria) от 26 июля 2001 г., жалоба № 33977/96, § 84 in fine <*>).

<*> In fine (лат.) - в конце (прим. переводчика).

77. Наличие обоснованного подозрения в том, что задержанное лицо совершило преступление, является обязательным условием (условием sine qua non) для законности продления срока содержания его под стражей, а после истечения определенного срока и оно перестает быть достаточным. В таких случаях Европейский суд должен установить, оправдывали ли иные основания, на которые ссылались судебные власти, продление срока содержания лица под стражей. Если такие основания являлись "существенными" и "достаточными", Европейский суд должен также убедиться, что компетентные национальные власти проявили "особое усердие" при проведении судебного разбирательства (см. Постановление Большой палаты Европейского суда по делу "Лабита против Италии" (Labita v. Italy), жалоба № 26772/95, ECHR 2000-IV, § 153).» /Мельников против России/

«44. Европейский суд напомнил, что продление срока содержания под стражей может быть обоснованным в конкретном случае, если этого требуют публичные интересы, которые, несмотря на презумпцию невиновности, перевешивают принцип уважения индивидуальной свободы. Любая система обязательного заключения под стражу сама по себе не соответствует пункту 3

статьи 5 Конвенции (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского суда по делу "Рохлина против Российской Федерации", § 67; упоминавшееся выше Постановление Европейского суда по делу "Илийков против Болгарии", § 84–85).

45. Поэтому на национальных органах лежит обязанность установить и убедительно продемонстрировать наличие конкретных фактов, относящихся к основаниям продления срока содержания под стражей. Возложение бремени доказывания на задержанное лицо в подобных случаях аналогично отмене положений статьи 5 Конвенции, которая признает заключение под стражей исключительным отступлением от права на свободу, допустимым только в нескольких перечисленных и строго определенных случаях.» /Долгова против России/

«50. ... Европейский суд полагает, что ошибки или недостатки работы органов государственной власти должны работать в пользу подсудимого. Другими словами, риск совершения ошибки прокуратурой или даже действительно судом, должно нести государство, и эти ошибки не должны исправляться за счет заинтересованного лица.» /Радчиков против России/

«57. Европейский суд также подчеркивает, что, принимая решение об оставлении лица под стражей или освобождении его из-под стражи, власти обязаны в соответствии с пунктом 3 статьи 5 Конвенции рассмотреть альтернативные способы обеспечения явки лица в суд (см. приведенное выше Постановление Европейского суда по делу "Сулаоия против Эстонии" (Sulaoja v. Estonia), § 64, Постановление Европейского суда по делу "Яблоньский против Польши" ({Jablonski} v. Poland), от 21 декабря 2001 г., жалоба № 33492/96, § 83). На протяжении всего рассматриваемого периода власти не рассмотрели возможность обеспечения присутствия первого и второго заявителей с помощью иных "мер пресечения", таких как подписка о невыезде или залог. Ни на одном из этапов рассмотрения дела власти не обратились к таким альтернативным мерам или, хотя бы минимально, не объяснили в своих решениях, почему такие альтернативные меры не могли обеспечить должное отправление правосудия.» /Мишкеткуль против России/

«82. Европейский суд также отмечает, что принимая решение об оставлении лица под стражей или освобождении его из-под стражи, власти в соответствии с пунктом 3 статьи 5 Конвенции обязаны рассмотреть альтернативные меры обеспечения присутствия заявителя в зале суда. Указанное положение Конвенции провозглашает не только право на "судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда", но также закрепляет, что "освобождение может быть обусловлено предоставлением гарантий явки в суд" (см. приведенное выше Постановление Европейского суда по делу "Сулаоия против Эстонии" (Sulaoja v. Estonia), § 64 и последующие, и приведенное выше Постановление Европейского суда по делу "Яблоньски против Польши" ({Jablonski} v. Poland), § 83).» /Линд против России/

«63. В первую очередь национальные судебные органы должны обеспечить, чтобы в конкретном деле предварительное заключение обвиняемого не превышало разумного срока. В этих целях они с надлежащим учетом презумпции невиновности должны исследовать все факты, свидетельствующие в пользу или против существования вышеупомянутого требования публичного интереса, оправдывающего отход от правила статьи 5 Конвенции, и должны указать их в своих решениях по заявлениям об освобождении. Прежде всего на основании

мотивов, приведенных в этих решениях, и реальных фактов, указанных заявителем в своих жалобах, Европейский суд призван установить наличие или отсутствие нарушения пункта 3 статьи 5 Конвенции (см., например, Постановление Европейского суда по делу "Вейншталь против Польши" (Weinsztal v. Poland) от 30 мая 2006 г., жалоба № 43748/98, § 50; и Постановление Большой палаты Европейского суда по делу "МакКей против Соединенного Королевства" (McKay v. United Kingdom), жалоба N 543/03, § 43, ECHR 2006-X).

64. Наличие обоснованного подозрения в том, что задержанный совершил преступление, является определяющим условием законности содержания под стражей, однако по прошествии времени оно перестает быть достаточным, и Европейский суд должен в этом случае установить, оправдывают ли продолжение лишения свободы другие основания, приведенные судебными органами. Если такие основания являются "относимыми" и "достаточными", Европейский суд должен убедиться также, что национальные власти проявили "особую тщательность" в проведении разбирательства (см., в частности, Постановление Европейского суда по делу "Летеллье против Франции" (Letellier v. France) от 26 июня 1991 г., § 35, Series A, № 207; и Постановление Европейского суда по делу "Ягчи и Саргин против Турции" ({Yagci} and {Sargin} v. Turkey) от 8 июня 1995 г., § 50, Series A, № 319-A). В связи с этим Европейский суд отмечает, что бремя доказывания по таким вопросам не может быть перераспределено с возложением на задержанного обязанности доказать наличие оснований для его освобождения (см. Постановление Европейского суда по делу "Илийков против Болгарии" (Ilijkov v. Bulgaria) от 26 июля 2001 г., жалоба № 33977/96, § 85)». /Быков против России/

2. Факты дела.

А. Анализ доводов обвинения в пользу содержания обвиняемого под стражей.

Так, обвинительная власть не привела каких-либо конкретных фактов, подменив их совокупностью предположений, в обоснование своего ходатайства о продлении ареста.

При этом, согласно позиции высшего судебного органа России (из Постановления Пленума ВС РФ № 22 от 29 октября 2009 г. п. 3, 18), «При решении вопроса о применении в качестве меры пресечения заключения под стражу необходимо учитывать основания, указанные в статье 97 УПК РФ, а именно: данные о том, что... обвиняемый может скрыться от органов ..., продолжать заниматься преступной деятельностью, угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу. Указанные обстоятельства должны быть реальными, обоснованными, то есть подтверждаться достоверными сведениями».

1. Относительно наличия заграничного паспорта необходимо отметить, что, вопреки утверждению следователя, В. не имеет такого документа в своём распоряжении, так как он был изъят в ходе обыска и находится в распоряжении следствия почти два месяца. То есть налицо очевидное введение суда в заблуждение.

2. Относительно «учитывая специфику совершенного им преступления». Во-первых; не «совершенного», а «преступления, в совершении которого обвиняется». В правовом государстве это не одно и то же, и отвергать презумпцию невиновности никто не вправе. Во-вторых; учитывать специфику предполагаемых преступлений, благодаря действию презумпции невиновности, на законных основаниях невозможно. Если же говорить о специфике трудовой деятельности, то возможность «полагать», какие преступления могут совершать

граждане, исходя из своей профессии и должности, должна повлечь печальный вывод о том, что в отношении 100 % населения России можно высказать аналогичные предположения, но они не должны влиять на судебные решения.

Поэтому пребывание В. в должности управляющего банка не является достаточным основанием для выдвижения юридически значимого предположения в пользу совершения им преступлений и изоляции его от общества.

3.) Относительно «активно интересовался ходом ... следствия» и попыток «повлиять на них с целью принудить их отказаться от дачи изобличающих его правдивых показаний».

Во-первых; «активно интересовался», чему имеются определенные доказательства, не входя в обсуждение вопроса об их допустимости и достоверности, совсем не значит, что пытался повлиять на кого-либо. Доказательств попыток влияния из представленных материалов не усматривается.

Во-вторых; согласно ч. 4 ст. 29 Конституции РФ, «Каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом». Поэтому, даже если предположить, что В. интересовался, то ничего незаконного в этом нет. Никакого запрета на проявление интереса действующее законодательство не содержит.

В-третьих; времени у следствия было достаточно, чтобы допросить всех интересующих власти России лиц по этому делу, исключив гипотетическую возможность влияния со стороны В. на их уже данные показания.

Исходя из позиции ЕСПЧ, организационно-технические трудности следствия — это проблемы следствия, а не В., и он находится под стражей из-за этого не должен.

4.) Относительно «может связаться» с неустановленными сообщниками.

Может связаться, а может и не связаться. Поэтому соревноваться в скорости и качестве выдвижения предположений в судебном заседании не стоит, ввиду того, что судебные решения, включая решение по мере пресечения, должны основываться на доказательствах.

5.) Относительно предполагаемого ущерба. Нахождение В. под стражей никоим образом не увеличивает вероятность возмещения ущерба, поэтому данный аргумент, применительно к существу вопроса, весьма сомнителен.

6.) Относительно сложности дела: нахождение В. под стражей вряд ли приведет расследование в разряд менее сложных.

Возвращаясь к фактам дела, необходимо отметить, что, вопреки закону, доводы обвинительной власти против освобождения обвиняемого, являясь общими и абстрактными, взятые в отдельности, в любом случае перестали быть достаточными к настоящему моменту, что, в конечном итоге, должно влечь освобождение из-под стражи В. даже в условиях отсутствия самостоятельных доводов защиты в пользу отказа в удовлетворении ходатайства следователя, исходя из предусмотренного законом распределения бремени доказывания по затрагиваемым в настоящем судебном разбирательстве вопросам.

Б. Анализ доводов защиты в пользу освобождения обвиняемого.

Несмотря на отсутствие публичного интереса, который мог бы перевесить, несмотря на презумпцию невиновности, уважение к свободе личности В., учитывая особенности национальной правовой системы, включающей в себя презумпцию обязательного заключения обвиняемых под стражу до суда, защита вынуждена была взвалить, — с чем успешно справилась, — на себя бремя доказывания необходимости освобождения из-под ареста.

В силу требований ст. 99 УПК РФ при решении вопроса о мере пресечения должен учитываться целый ряд обстоятельств, неопровержимая совокупность которых в данном конкретном случае позволяет утверждать о необходимости освобождения В. из-под стражи.

Так, в материалах дела имеется протокол допроса подозреваемого от 25 декабря 200_ г. (л. м. ___), убедительно доказывающий, в отсутствие всякого опровержения со стороны следствия, наличие фактов в пользу отказа в удовлетворении рассматриваемого ходатайства следователя.

Изложенные факты подтверждаются иными доказательствами в пользу стабильного законопослушного и социально полезного поведения В., представленные защитой, соответственно:

В частности, существенными фактами относительно В. являются следующие:

- имеется постоянное место жительства;
- судимость отсутствует;
- наличие двух несовершеннолетних детей на содержании, с которыми В. проживает совместно;
- характеризуется исключительно положительно.

Указанные доводы защиты в пользу освобождения обвиняемого носят абсолютно конкретный характер и подтверждаются неопровержимой совокупностью доказательств, что позволяет утверждать об отсутствии законных оснований для продления содержания В. под стражей.

Таким образом, даже если гипотетически предположить наличие оснований для предшествующего содержания В. под стражей, то в настоящее время баланс между взаимоисключающими ценностями изменился в пользу освобождения обвиняемого.

4. Ходатайство защиты об избрании альтернативной меры пресечения.

В рамках рассмотрения вопроса о продлении срока содержания В. под стражей по инициативе обвинения защита одновременно самостоятельно ходатайствует перед судом об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста в порядке ст. 107 УПК РФ, взамен требуемой следствием, учитывая полномочия, предоставленные ч. 7–1 ст. 108 УПК РФ и положениями Конвенции (ЕКПЧ).

Нет оснований для вывода о том, что все цели, для достижения которых следователь вышел в суд с ходатайством о продлении срока содержания под стражей, — в случае несогласия суда с вышеизложенными доводами защиты, — не могут быть достигнуты путем избрания меры пресечения в виде домашнего ареста.

Исходя из изложенного,

ПРОШУ

отказать следователю Ж. в удовлетворении ходатайства о продлении срока содержания обвиняемого под стражей, одновременно избрав в отношении В. меру пресечения в виде домашнего ареста (если суд придет к выводу о невозможности обеспечения должного хода расследования без избрания меры пресечения, как таковой).

«___» _____ 200_ г.

С уважением,

защитник (адвокат) _____